

Исследовательская статья
УДК 141 130.2
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-7-19>

УЧЕНИЕ СПИНОЗЫ ОБ АФФЕКТАХ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Андрей Дмитриевич Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия;
Институт философии РАН, Москва, Россия
caute@yandex.ru <http://orcid.org/0000-0003-2061-3878>

Аннотация. Спиноза рассматривал душевную жизнь как деятельную игру аффектов, а человеческую свободу связывал с укрощением страстей при помощи понятий разума. Вслед за ним Л.С. Выготский трактует аффект как «альфу и омегу» психологического развития. Ключевая тема последних рукописей Выготского — та же, что и в «Этике» Спинозы: путь человека к свободе через разумное овладение своими аффектами. Свободу Выготский определял как «аффект в понятии»; в последние годы жизни он исследовал процессы синтеза эмоциональных и интеллектуальных форм в развитии психики ребенка. Вслед за Спинозой Выготский определял аффект как «динамогенное» состояние тела, увеличивающее или уменьшающее его способность к действию; таким образом, аффект выступает как внутренняя движущая сила поведения всех живых существ. Психология, в спинозистском её понимании, есть наука о производстве аффектов в процессе предметной деятельности и обмене аффектами в процессе общения живых существ. Выготский не успел осуществить свой проект «новой психологии человека», а его наследники отказались или не сумели продолжить эту работу. А.Н. Леонтьев, ближайший ученик и соратник Выготского, осудил его «поворот к Спинозе» и вернулся к феноменологической трактовке аффекта как «формы переживания деятельности». Как следствие, поставленная Выготским проблема взаимосвязи аффекта и интеллекта оказалась неразрешимой. Примыкавший к школе Выготского философ Э.В. Ильенков связал начало психической деятельности с формированием образов внешнего мира, утерев из виду аффекты и, тем самым, проблему свободы, как её понимал Спиноза. Возобновление проекта «вершинной психологии» Выготского и исследование эволюции психики на основе понятия свободы как активного овладения своими аффектами и отношениями общения — таковы две точки роста культурно-исторической психологии.

Ключевые слова: аффект, понятие, деятельность, психика, свобода, спинозизм, марксизм

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах её творцов».

Для цитирования: Майданский А.Д. Учение Спинозы об аффектах в культурно-исторической психологии // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 2. — С. 7–19. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-7-19>

Research article

SPINOZA'S DOCTRINE OF AFFECT IN CULTURAL-HISTORICAL PSYCHOLOGY

Andrey D. Maidansky

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
caute@yandex.ru <http://orcid.org/0000-0003-2061-3878>

Abstract. Spinoza regarded life as an active play of affects, and human freedom as the taming of passions by means of the concepts of reason. Following him, Lev Vygotsky treats affect as the *alpha and omega* of mental development. The key theme of Vygotsky's last manuscripts is the same as in Spinoza's *Ethics*: man's path to freedom via the reasonable mastery of his affects. Vygotsky defines freedom as *the affect in the concept*; in the last years of his life, he investigates the processes of synthesis of emotional and intellectual forms in a child's psychical development. Following Spinoza, Vygotsky defines affect as a *dynamogenic* state of the body, increasing or decreasing its capacity for action. Thus, affect acts as the intrinsic driving force behind the behaviour of all living beings. In the Spinozist view, psychology is the science about production of affects in the process of object-oriented activity and about exchange of affects in the process of communication of living beings. Vygotsky did not have time to carry out his project of the *new psychology of man*, and his successors refused or failed to continue this work. Aleksey Leontiev, Vygotsky's closest disciple and associate, denounced his *turn to Spinoza* and returned to the phenomenological treatment of affect as *a form of experiencing activity*. As a consequence, Vygotsky's problem of the relation between affect and intellect proved to be unsolvable. The philosopher Evald Ilyenkov, who adhered to the Vygotsky school, linked the beginning of psychical activity to the formation of images of the external world, losing sight of affect and, thus, of the problem of freedom as understood by Spinoza. Resuming of L. S. Vygotsky's *height psychology* project and studying the evolution of the psyche, based on the concept of freedom as the active mastery of human affects and communication relationships, form two growth points of cultural-historical psychology.

Keywords: affect, concept, activity, psyche, freedom, Spinozism, Marxism

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation grant number 20-18-00028 *Cultural-Historical Psychology in the Archives of Its Creators*.

For citation: Maidansky, A. D. (2022) 'Spinoza's Doctrine of Affect in Cultural-Historical Psychology', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(2), pp. 7–19. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-2-22-7-19>

Спинозе удалось образовать идею человека etc. Эта идея может быть руководящей для психологии человека как науки... Она — говоря шекспировским языком — показывает человека во всем значении слова.

Л.С. Выготский

Творец культурно-исторической психологии, Л.С. Выготский связывал будущее научной психологии с идеями Бенедикта Спинозы. По смерти Выготского нить спиновистской мысли в психологии, однако, оборвалась. В работах его прямых учеников имя Спинозы почти не упоминается — но дело, конечно, не в имени. Никто из них не захотел или не сумел воспользоваться выточенными в «Этике» линзами категорий и аксиом.

Через полвека после смерти Выготского его биограф М.Г. Ярошевский объявил взгляды Спинозы безнадежно устаревшими и бесполезными для современной психологической науки¹. Что же, это честная констатация значения Спинозы для «школы Выготского». Но, может быть, сам Выготский вычитал в трудах Спинозы нечто важное — что не заметили его в высшей мере одаренные ученики и соратники, не говоря уже о недалёком биографе?

Мы уже прослеживали спиновские мотивы в трудах Выготского [Майданский, 2008]. На сей раз речь пойдёт о незавершённом спиновистском проекте «вершинной», или «акмеистической», психологии, обрисованном в недавно изданных «Записных книжках» Выготского, и о том, почему никто из учеников не последовал по указанной им тропе.

В начале был аффект

В последние годы жизни внимание Выготского было приковано к учению Спинозы об аффектах (страстях, эмоциях). «В учении Спинозы *implicite* заключена вся акмеистическая психология, всё учение о

понятиях, аффектах и воле, о смысловом и системном строении сознания, которые мы развили *explicite*. У Спинозы есть *идея* человека, которая может служить образцом человеческой природы: это делает его учение о страстях пролегоменами к психологии человека» [Выготский, 2018: 436].

Выготский принимается за разработку новой, современной теории аффектов, сверяя дефиниции и ходы мысли Спинозы с новейшими открытиями в области психологии и физиологии эмоций. В записных книжках он называл свою последнюю рукопись «книгой всей моей жизни» и намеревался посвятить памяти отца. Смерть оборвала работу на пороге переоткрытия спиновской психологии.

Ещё до знакомства с Выготским тему аффектов принял за разрабатывать А.Р. Лурия в челпановском Институте экспериментальной психологии. С 1923 г. он исследовал аффективные реакции при помощи «сопряжённой моторной методики», строившейся на принципе «простой свободной ассоциации» и юнгианском понятии «комплекса». Лурия толковал аффекты в сугубо негативном ключе — как реакции, дезорганизующие и временно разрушающие «нормальное равновесие поведения» человека.

На IX Международный психологический конгресс в Нью-Хэйвене (США) Лурия привёз рукопись книги «Природа человеческих конфликтов»². Первая часть работы посвящена психофизиологии аффекта, часть третья — «Развитие реактивных процессов и проблема овладения поведением» — написана уже в ходе коллектив-

¹ «Философия Спинозы принадлежала другому веку — веку триумфа механистического детерминизма и бескомпромиссного рационализма — и, вопреки надежде Выготского (страстного почитателя Спинозы со студенческих лет), не могла решить проблем, которые требовали новой методологии» [Ярошевский, 1993: 97].

² В английском переводе книга вышла три года спустя: [Luria, 1932]. Русское издание увидит свет лишь в следующем столетии: [Лурия, 2002].

ной работы под руководством Выготского. Лурия упоминает о совместных опытах и дискуссиях с А.Н. Леонтьевым и Выготским «в нашей лаборатории» и ссылается на их общие публикации.

Леонтьев также начал заниматься темой аффектов в 1923 г., ещё в пору своей учебы в университете, затем подключился к исследованиям Лурия. В личном архиве Леонтьева сохранились две рукописи 1925 г., одна из которых озаглавлена «Очерк теории аффективности», а вторая посвящена персонально Спинозе. В том году Выготский впервые познакомил Леонтьева и Лурия с замыслом культурно-исторической психологии.

Приступая к исследованию эмоций, Выготский вынес эту тему на обсуждение в ближнем кругу своих сотрудников. В составленном Лурия перечне внутренних конференций значатся: «Проблема эмоций в современной психологии» (21.10.1930) и «Современное учение об эмоциях» (3.01.1931). Погружение в эту проблематику привело Выготского прямо к Спинозе: теме аффектов отведена добрая половина «Этики».

На каком основании Выготский возводит учение Спинозы об аффектах в ранг пролегомен к психологии человека?

Такое сильное утверждение возможно при двух условиях: (1) Спиноза дал нам верное понятие аффекта, и (2) аффект образует первооснову психики, её генетический корень. Если в истоке психики лежит не аффект, а нечто иное, разве могло бы Спинозовское учение об аффектах служить вратами в психологию человека?

На начальном этапе становления «культурной психологии» главное внимание уделялось детерминации психологической деятельности извне — формированию высших функций при помощи знаков. В 1930-е гг. Выготский фокусирует внимание на процессах детерминации психики изнутри, посредством *аффекта*.

Дело в том, что знак становится значимым для индивида тогда, когда он вызывает какой-нибудь аффективный отклик; его значимость пропорциональна силе этого отклика. То же самое касается чувственных восприятий, идей и вообще любых внеш-

них факторов психической деятельности. Чем мощнее аффект, тем более значим предмет, его вызывающий.

«За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее “почему” в анализе мышления», — читаем мы в финальном параграфе «Мышления и речи» [Выготский, 1982: 357]. Волю Спиноза определял как активный аффект, проистекающий из разума (*ex ratione*) и дающий душе успокоение (*acquiescentia*), а не как вымышленный «свободный выбор».

Выготский отлично знал, что Спиноза смотрел на душевную жизнь как на игру аффектов, но не спешил с этим соглашаться. Поворотным пунктом, видимо, стало знакомство с вольным русским переводом книги Уолтера Кеннона «Физиология эмоций» (1927). Выготский усмотрел в опытах Кеннона экспериментальное доказательство правоты Спинозы. В 1930 г. Выготский публикует заметку «Биологическая основа аффекта», где выражает согласие с утверждением Кеннона, что элементарные аффекты — страх, ярость, боль и муки голода — являются наиболее мощными факторами, определяющими поведение людей и животных. Предназначение аффективных реакций состоит в *подготовке организма к деятельности*.

Такое деятельностное — или, как выражается вслед за переводчиками Кеннона Выготский, «динамогенное» — понимание природы аффекта идеально совпало со Спинозовским определением аффекта. Выготский не преминул это отметить:

«Мы не можем не воспользоваться этим первым фактическим положением, полученным нами из рук первого экспериментального исследования эмоций, чтобы связать его с соответствующей идеей Спинозы, образующей отправной пункт всего его учения о страстях... Экспериментальное доказательство динамогенного влияния эмоций, поднимающего индивида на более высокий уровень деятельности, является вместе с тем и эмпирическим доказательством мысли Спинозы, которая понимает под аффектами такие состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию,

благоприятствуют ей или ограничивают её, а вместе с тем и идеи этих состояний» [Выготский, 1984с: 102].

За сущность всего живого, включая и человека, Спиноза принял *влечение* (*appetitus*) — стремление сохранять собственную жизнь. Влечение выражается в особых состояниях тела и души, называемых аффектами; они увеличивают или же уменьшают способность живого существа к действию (*agendi potentia*). Первичным аффектом души является *желание*, или осознанное влечение. Удовлетворенное желание вызывает аффект *радости*, неудовлетворенное — аффект *печали*. Все прочие аффекты происходят из этих трёх основных, утверждал Спиноза.

Выготский, пусть далеко не сразу, но присоединяется к мнению Спинозы: «Аффект есть альфа и омега, начальное и конечное звено, пролог и эпилог всего психического развития» [Выготский, 1984а: 297].

Нельзя назвать Выготского последовательным спинозистом, но он стремился мыслить под флагом Спинозы и серьёзно углубил своё понимание спинозовской философии в последние годы, когда обратился к стержневой проблеме «Этики» — исследованию отношений понятия и аффекта. Здесь лежит ключ к *человеческой свободе*.

Аффекты и проблема свободы

Мысль Выготского всегда вращалась вокруг проблемы свободы. Свободу он считал гораздо более существенным, нежели интеллект, отличием «культурного человека» в сравнении с высшими животными [Выготский, 1983: 120; 1984b: 201]. В записных книжках свобода определяется как *понятый аффект*.

«Понятие аффекта есть активное состояние и есть *свобода*:

Свобода: аффект в понятии.

Центральная проблема всей психологии — свобода...

Грандиозная картина развития личности: путь к свободе. Оживить спинозизм в марксистской психологии» [Выготский, 2018: 255–256].

Противоречивое единство понятия и аффекта, разума и страстей, мышления и

общения/речи — главная тема последних работ Выготского. У животных разумное поведение абсолютно несовместимо с общением (их общение представляет собой обмен аффектами) и аффективными реакциями вообще. Человек же сумел синтезировать, гармонически соединить эти взаимоисключающие формы деятельности, благодаря чему и обрёл свободу.

Неоспинозистский поворот исследований ещё при жизни Выготского встретил активное неприятие у А.Н. Леонтьева. Об этом свидетельствуют записи с внутренних конференций группы Выготского 1931 г. Леонтьев выступает против «словоцентризма» позиции Выготского, а тот, со своей стороны, упрекает Леонтьева в недооценке «силы социализации» и «преувеличенном значении практики».

Сохранилось пространное, полное драматизма письмо Леонтьева Выготскому от 5 февраля 1932 г. (в тот день Леонтьеву исполнилось 29 лет). В нём, в частности, говорилось: «Сейчас мы как группа связанных идейно людей переживаем огромный кризис... Нашу работу, как работу общую, смяло, подорвало, разбило» [Леонтьев, 2003: 231].

В письме ничего не говорится о характере разногласий; на склоне лет, в устной автобиографии 1976 г. Леонтьев так обрисует их суть: «Конфронтация двух линий на будущее. Моя линия: возвращение к исходным тезисам и разработка их в новом направлении. Исследование *практического интеллекта* (= *предметного действия*)... Линия Выготского: аффективные тенденции, эмоции, чувства. Это — за сознанием. *Жизнь аффектов: отсюда поворот к Спинозе*. Я: практика» [Леонтьев, 2005: 375–376].

В более ранней реминисценции — предположительно, начала 1940-х гг. — Леонтьев отмечает, что последние изыскания Выготского обогатили теорию фактическим содержанием и открыли новые возможности исследования, но расценивает этот шаг как удаление от исходного замысла — «связать жизнь с сознанием». Вместо того, чтобы проследивать истоки сознания в предметном мире, в делах человеческих, Выготский занялся исследованием внутренних душевных состояний, аффектов, пытаясь из них объяснить сознание. «Аф-

фект? Но аффект не *движущая* сила», — возражает Леонтьев [Леонтьев, 1994: 40].

Спиноза же считал аффект именно *движущей* силой — детерминантой, «ближайшей причиной» поведения всех живых существ. *Unusquisque ex suo affectu omnia moderatur* — «всякий во всем направляется своим аффектом» [Спиноза, 1993: 91]. Люди часто бывают рабами страстей. Человеческая свобода состоит не в чём ином, как в умении овладеть своими аффектами и тем самым увеличить «способность к действованию».

«Аффект побуждает к действию и к мыслению в известном направлении», — вторит Спинозе Выготский [Выготский, 2018: 473]. Именно в этом пункте расходится со своим учителем Леонтьев. Он отказывается принять такое понятие аффекта, а с ним и спинозовскую «идею человека» вообще. По его мнению, разворот к аффектам был ошибкой.

Леонтьев видит связь аффектов с деятельностью, но толкует её феноменологически: аффект есть «форма переживания деятельности», возникающая при несовпадении результата деятельности с её мотивом. Такая трактовка аффектов, сводящая их к переживаниям, прямо противостоит спинозовскому «динамогенному» понятию аффекта как состояния тела, влияющего на его способность действовать.

Выготский, помимо психофизиологических опытов Ч. Шеррингтона и У. Кеннона, ссылается на «новую психологию эмоций» — исследования «динамической природы аффекта» К. Левина и М. Принса. «Динамический, активный, энергетический аспект эмоции выдвигается как единственный способ понимания аффекта, допускающий действительно научное, детерминистическое и истинно каузальное объяснение всей системы психических процессов» [Выготский, 1984с: 214].

Аффект не исчерпывается переживаниями, это «целостная психофизиологическая реакция, включающая в себя переживание и поведение определённого рода

и представляющая единство феноменальной и объективной сторон... Эмоция, следовательно, не может играть пассивную роль эпифеномена. Она должна делать нечто» [Выготский, 1984с: 214].

Так понятие аффекта превратилось в яблоко раздора, расколовшее школу Выготского; и даже те, кто остался с ним до конца, игнорировали тему аффектов. Своего апогея конфронтация достигла к началу 1933 г. «У Выготского осталось всё, у меня — *всё сначала*», — записал в дневнике Леонтьев [Леонтьев, 2005: 376].

Он безусловно прав в том, что предметные действия, практика, «история промышленности» должны быть «раскрытой книгой» (Маркс) для научной психологии человека. Но далее потребовалось определить *специфику психологического* исследования предметной деятельности. С этим у Леонтьева возникли проблемы — даже ближайшего соратника, П.Я. Гальперина, ему убедить не удалось. В 1969 г. Гальперин с горечью вопрошал: «Проблема деятельности в психологии, что от неё осталось? Это же словесная тень... Природа самой психической деятельности по-прежнему оставалась неизвестной... Понятие деятельности совершенно выхолощено. Оно никого ни к чему не обязывает» [Гальперин, 2004: 329–330]. Если Выготский после рывка к внешней деятельности вернулся к актам сознания, то Леонтьев принялся объяснять психологические процессы физиологическими, и тем же заняты его ученики, констатировал Гальперин.

Так закончился леонтьевский возврат к практике.

Выготский же предлагал вернуться к Спинозе. В «Этике» жизнь души изображается как поток аффектов. Если так, то научная психология должна начинать с выяснения природы аффекта. Разумеется, культурно-историческая психология может и должна пойти дальше Спинозы, ещё не понимавшего специфики *человеческих, идеальных* аффектов³ — таких как восхищение звездным небом над головой или

³ Достаточно привести в пример его суждения о красивом и безобразном как «воспринимаемом нервами движении», полезном или же вредном для здоровья. См.: [Спиноза, 1993: 41].

чувство долга, «моральный закон во мне». Однако простое понятие аффекта, как регулятора «способности к действию», Спиноза нам дал. Выготский намеревался сделать это понятие «альфой и омегой» теоретической психологии, но — не успел.

Прощай, Спиноза...

По смерти Выготского тема аффектов сместилась на дальнюю периферию исследований. Практически выпала из поля зрения взаимосвязь аффектов с понятиями, а вместе с нею была утеряна и «центральная проблема всей психологии — свобода».

Леонтьев, как явствует из архивных записей, посчитал поставленную Выготским проблему «принципиально неразрешимой», ведущей школу в тупик. «Он [Выготский] пытался решать её в своём “Спинозе”, мне неизвестны эти попытки достаточно хорошо. Я знаю, что она не была решена в смысле *обратного движения аффект — интеллект. Она и не могла быть решена*» [Леонтьев, 1994: 39].

Взяв в руки лекции по общей психологии Лурия или Гальперина, вы обнаружите, что тема аффектов там попросту отсутствует, да и сам термин «аффект» почти не встречается. В лекциях Леонтьева речь об аффектах заходит, однако принятое им понятие аффекта, как «метки» для вещей и ситуаций, не имеет ровно ничего общего с предложенным в «Этике» Спинозы. Имя Спинозы в разговоре об аффектах не звучит (равно как и в остальных лекциях Леонтьева); ещё более странным может показаться отсутствие здесь следов мысли учителя, Выготского...

Причина кроется в перемене взгляда на предмет психологии — в более узком и одностороннем понимании природы психики. На первый план у Леонтьева (и в ещё большей степени — у Гальперина и Ильенкова) выдвинулась ориентировочная функция деятельности, познавательные процессы и образы внешнего мира. Работа психики, по сути, свелась к *когнитивной* деятельности. Аффекты остались в глубокой тени, на другой стороне Луны. Не нашлось места аффектам и в леонтьевской картине эволюции психики: сенсорная —

перцептивная — интеллект — сознание. Что вполне естественно, ибо с леонтьевским понятием аффекта проблему свободы не решишь (если вообще поставишь).

В начале 1960-х гг. новый поворот к Спинозе замышляет Э.В. Ильенков. Однако в своих спинозистских штудиях — в том числе и по проблеме свободы! — Ильенков не касается ни темы аффектов, ни проблемы взаимосвязи понятия и аффекта, образующей живой нерв трёх последних частей спинозовской «Этики». В работах по психологии Ильенков тоже не принимает аффекты в расчёт — начисто их игнорирует. При этом Ильенков идёт до логического конца — настойчивее и последовательнее, чем Леонтьев, — в трактовке психики как формы ориентировочной деятельности в окружающем, внешнем мире.

Элементарной единицей психики является, по Ильенкову, *чувственный образ*. Со стороны субъекта образ представляет собой «индивидуально корректируемую схему внешнего действия», со стороны объекта — пространственный «контур» мира, вовлечённых в процесс деятельности вещей. «Непосредственное ощущение этих *внешних* контуров вещей, как цели, так и средств-препятствий на пути к её достижению — *и есть образ*, и есть клеточная форма психической деятельности, её простая абстрактная схема» [Ильенков, 2009: 98].

Ильенков не придает значения тому простому факту, что любой психический образ эмоционально окрашен, позитивно или же негативно. Предмет, не вызывающий ни малейшего аффекта, остающийся аффективно нейтральным, не оставляет за собой психологического следа, никакого образа. Мы просто не замечаем такие предметы. Психический образ есть отражение (представление) того или иного внешнего предмета деятельности в аффективном состоянии действующего тела.

«Мы будем называть далее такие состояния (affectiones) человеческого тела, идеи которых представляют нам внешние тела находящимися налицо, — *образами вещей*, хотя бы они и не передавали фигур вещей» [Спиноза, 1993: 60]. Иными словами, психический образ есть не что иное, как аффект, представляющий какую-либо внеш-

нюю вещь; причем это представление не обязательно похоже на саму вещь (скажем, болезненное ощущение укола «не передает фигуру» шипа или иглы, но при этом является полноценным образом чувств).

С психологической точки зрения, жизнь — это поток возникающих и угасающих аффектов, сменяющих друг друга в процессе предметной деятельности и регулирующих её интенсивность. *Психология*, в Спинозистском её понимании, *есть наука о производстве аффектов* (в процессе предметной деятельности) *и обмене аффектами* (в процессе общения).

Леонтьев нарисовал грандиозную картину филогенеза психики, Ильенков создал не менее впечатляющую концепцию формирования психики индивидуальной, на примере воспитания слепоглухих детей. Аффектам в обоих случаях места не нашлось.

Согласно Леонтьеву, психика начинается с *ощущения* — ориентировочной реакции на абиотический раздражитель. Ильенков точкой отсчёта истории психики делает «организованную систему ощущений — образ». По его мнению, «первая форма *психически оформленных действий*» возникает лишь через полгода после рождения ребенка на свет, когда тот начинает тянуться к материнской груди [Ильенков, 2009: 96].

Тело животного умеет двигаться от рождения, стало быть, психика ему врождена. А человеческий младенец не умеет, поэтому он *неодушевлённое тело*. Правомерно ли говорить о психике у существа, не имеющего образов внешнего мира и не умеющего как-либо ориентироваться в нём?

От природы нам достаются лишь чисто физиологические функции, обеспечивающие обмен веществ. «Душа» возникает позже — вместе с первым образом внешней вещи. Получив этот образ, мозг приступает к осуществлению *психических функций*, превращаясь в орган ориентации и управления предметной деятельностью тела во внешней среде.

Так выглядит онтогенез человеческой психики в изображении Ильенкова. Предтечей своей концепции он почему-то считал Спинозу⁴. Меж тем для Спинозы образы чувств представляют собой не что иное, как особый сорт аффектов живого тела, отражающих состояния взаимодействующих с ним внешних тел.

«Образы вещей, как мы сказали, суть самые состояния человеческого тела (*humani corporis affectiones*), иными словами — аффекты, которым тело человеческое подвергается (*afficitur*) со стороны внешних причин и которыми оно располагается к тому или другому действию» [Спиноза, 1993: 109].

Ильенковское определение психики, сводящее её к формированию образов внешних вещей, ставит крест на *проблеме свободы* от пассивных аффектов, «страстей», которую решал автор «Этики».

Вычеркнутые из сферы психической деятельности, аффекты автоматически попадают в категорию *физиологических процессов*. Выходит, Спиноза, размышляя «о происхождении и природе аффектов» (заглавие части III «Этики»), вторгнулся в область физиологии, и последовавший за ним Выготский тоже переквалифицировался в физиолога..

Основы физиологического истолкования аффектов заложили в конце XIX в. У. Джемс и К. Ланге, причём последний, как и Ильенков, считал себя наследником дум Спинозы. В неоконченной рукописи Выготского дана мощная критика «органической» теории аффектов (к сожалению, эта рукопись не была опубликована при жизни Ильенкова).

Испытывает ли человеческий младенец аффекты? Спиноза, вне всяких сомнений, ответил бы на этот вопрос утвердительно. Выготский же дал ответ прямым текстом: «Аффект открывает процесс психического развития ребенка и построения его личности и замыкает собой этот процесс, завершая и увенчивая развитие личности в целом» [Выготский, 1984а: 296].

⁴ А.В. Сурмава даже попытался изобразить сей мнимый Спинозизм Ильенкова как «революцию в психологии» [Сурмава, 2009].

Для Ильенкова в первичных аффектах нет ничего, кроме голой физиологии. — «Новорождённый младенец тут целиком подобен ещё *растению*. Он живет пока “внешние” условия обмена веществ “приходят к нему сами” — мать. Он ещё не животное — и в психике тут никакой нужды нет... Ребенок не обладает ни образом, ни психикой по той простой причине, что, обладая органической нуждой (в материнском молоке), не обладает *потребностью* в нём — так, как и растение. Он не есть *субъект питания*, а только *объект кормления*» [Ильенков, 2009: 94–95].

Младенца кормят — да, но ведь он ест, лишь когда голоден, а если сыт или болен — отворачивается от пищи, выплевывает её и хнычет — *активно не ест*. Попробуй ещё накорми его, этот «объект» ... Растение же листья не отворачивает и воду не выплевывает, сколько его ни поливай. Так принятая Ильенковым дефиниция психики оборачивается теоретической слепотой к самым обыкновенным фактам.

Кричит и плачет ребенок уже с первым глотком воздуха, улыбается — через пару недель, а вскоре начинает отвечать на эмоции взрослых и удерживать зрительный контакт, забавляться погремушками и т.д. И всё это делает неодушевлённое существо? Человекообразное растение?

Стоит признать аффект, а не образ, истомой «клеточкой» души, как вмиг испарится химера человека-растения («L'Homme Plante», — так озаглавил свой трактат сенсуалист Ламетри). Трио аффектов желания образует самую примитивную, но уже полноценную субъективность, «самость», *das Selbst*. Отказываясь признать в этих природных аффектах («хочу — не хочу», «приятно — противно») явления не только физические, но и душевные, психолог отрезает возможность понять генезис психики, её первоисток, не говоря уже о «вершинной» проблематике свободы личности — свободы, понятой как активное овладение своими аффектами и отношениями общения.

Призрак спинозизма

На заре Просвещения «спинозистами» стали называть всякого рода вольнодум-

цев и атеистов. Уже Пьер Бейль, яростно споривший со спинозистами в своем знаменитом «Словаре» (1697), заметил, что мало кто из них всерьёз изучал труды Спинозы. Это чистая правда. С тех пор кто только не называл себя «спинозистом»...

Совсем недавно Е.Е. Соколова, ведущая исследовательскую работу в домашнем архиве А.Н. Леонтьева, открыла миру, что и он тоже был спинозист. Без лишних ссылок на Спинозу и совершенно незаметно для окружающих Леонтьев, оказывается, «оживил спинозизм в марксистской психологии» [Соколова, 2019: 654–673]. По примеру учителя, и сама Соколова не стала углубляться в тексты Спинозы, ограничившись парой цитат «для иллюстрации». Таков *modus operandi* типичного спинозиста со времён «радикального Просвещения».

Конечно, и такой спинозист способен почерпнуть у Спинозы что-то ценное, важное. Соколова справедливо указывает на принципы монизма и детерминизма плюс понимание предметной деятельности как субстанции психики. Всё это у Спинозы действительно есть, и не просто есть, а лежит в основе его учения — равно как и в основе учения Маркса.

Зачем же Леонтьеву понадобилось звать на подмогу Спинозу, если у Маркса *те же самые принципы* развиты лучше и выступают рельефнее? Этим простым вопросом Е.Е. Соколова почему-то не задалась, не говоря уже о непростой *проблеме отличия* Спинозы от Маркса в понимании и деятельности, и психики. Оживший Спиноза остался у неё тем же «Марксом без бороды», каким он был во времена молодости Леонтьева у «попов марксистского прихода» с Дебориным во главе.

Самому Марксу, к слову, и в голову не приходило считать себя спинозистом. Он восхвалял французских материалистов, «побивших» Спинозу вкупе с прочими метафизиками XVII столетия. Уже Бейль «опроверг Спинозу» и, написав историю метафизики, засвидетельствовал её смерть, говорится в «Святом семействе» [Маркс, Энгельс, 1955: 139–141]. Никакой нужды в воскрешении «пьяной спекуляции» метафизиков Маркс не видит. Вспомним, сколько желчных насмешек он отпу-

скает на счёт Давида Штрауса, при попытке оживить Спинозизм «застрявшего в дерьме субстанций».

Спинозизм в изложении Е.Е. Соколовой есть, по сути, марксизм, неумело загримированный под Спинозу. Ровным счётом ничего специфичного для Спинозы тут нет. Вместо психологии — обрывки теории познания. Последние три части «Этики», где, собственно, и содержится психологическая теория Спинозы, Соколова вслед за Леонтьевым проигнорировала, об аффектах и словом не вспомнила... Непонятно, что нового такой спинозизм дал марксистской психологии: монизм, детерминизм и принцип деятельности ей были давно известны. Оживлять Спинозу ради этого не обязательно.

Гораздо вернее сказать, что А.Н. Леонтьев *оживил марксизм* в психологии. Ибо в науках о человеке сталинской эры марксизм был скорее мертв, чем жив, — выродился в мертвую фразу, пригодную лишь для того, чтобы бить ею по головам людей науки, в том числе настоящих марксистов, каким был Выготский.

Он оказался единственным, кто обратился к развитой в «Этике» теории аффектов, усмотрев в ней «маяк, освещающий путь для новых исследований... Не только метод, но и *содержание спинозистского учения о страстях* выдвигается в качестве руководящего начала для развития исследований в новом направлении — в направлении уразумения человека» [Выготский, 1984с: 297–298; курсив мой. — А.М.].

Так выглядит реальный, живой *спинозизм психолога*, а не призрак спинозизма, слепленный из пары-тройки философских принципов. Конкретное «содержание спинозовского учения о страстях» начисто отсутствует у всех без исключения наследников Выготского. Ни один из них не откликнулся на его призыв, даже не взглянул на «маяк Спинозы».

В «Этике» решается проблема взаимосвязи аффектов и понятий, дающая ключ к «свободе, или блаженству души». У Леон-

тьева в лекциях о понятиях, мышлении и разумном поведении об аффектах не вспоминается, равно как в лекциях об эмоциях и аффектах нет ни слова о понятиях разума или о человеческой свободе. Природа эмоций обсуждается Леонтьевым с отсылками к «фрейдовской литературе», Фрессу и Пиаже — так, словно ни «Этики», ни «Учения об эмоциях» Выготского на свете нет.

Ильенков, обсуждая понимание природы мышления и даже тему свободы (!) у Спинозы, сумел обойтись без единого упоминания об аффектах. В очерке втором «Диалектической логики» спинозовский человек, захваченный всеми страстями жизни — «как волна в море, гонимая противоположными ветрами, не зная о своем исходе и судьбе» [Спиноза, 1993: 129], — превращается в «мыслящее тело», сканирующее геометрические контуры внешних тел. От «человека во всем значении слова»⁵ остался логический скелет, «бедный Йорик»...

Линия развития отечественной психологии, связанная с именами А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова, дала немало замечательных открытий, однако — приходится это признать — ушла далеко в сторону от спинозовской магистрали «аффект — понятие», по которой двигалась мысль Л.С. Выготского. Последний в ходе своей теоретической эволюции приближался к Спинозе, в то время как *школа* Выготского от Спинозы лишь удалялась, пока наконец, устами М.Г. Ярошевского, не распрощалась с ним навсегда.

Выготский завещал психологической науке будущего создание современной теории аффектов, продолжающей дело Спинозы. Однако этого мало. Психологии нужен свой «Капитал», говорил Выготский. Требуется *вывести* из понятия аффекта сущностные формы психической жизни, так же как в «Капитале» Маркс выводит формы товарного обмена из простого понятия товара. Теоретически вырастить из «клеточки» аффекта эволюционное древо психики, как это проделала некогда сама

⁵ Эти слова Гамлета об отце любил цитировать Выготский. Вслед за Гёте он утверждал, что в спинозовской «Этике» дан перевод Шекспира на язык понятий.

мать-природа. Только так и можно убедительно первичная и универсальная — так сказать, «стволовая».

Список литературы:

- Выготский Л.С. Записные книжки Л.С. Выготского: Избранное. — Москва: Канон+, 2018. — 608 с.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 3. — Москва: Педагогика, 1983. — С. 5–337.
- Выготский Л.С. Младенческий возраст // *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 4. — Москва: Педагогика, 1984а. — С. 269–317.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 2. — Москва: Педагогика, 1982. — С. 5–361.
- Выготский Л.С. Педология подростка // *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 4. — Москва: Педагогика, 1984б. — С. 5–242.
- Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 6. — Москва: Педагогика, 1984с. — С. 91–328.
- Гальперин П.Я. Выступление на дискуссии о проблемах деятельности // *Деятельность. Сознание. Личность*. — Москва: Смысл; Академия, 2004. — С. 324–335.
- Ильенков Э.В. Психология (публикация А.Г. Новохатько) // *Вопросы философии*. — 2009. — № 6. — С. 92–105.
- Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. — Москва: Смысл, 2003. — 439 с.
- Леонтьев А.Н. К критике теории Л.С. [Выготского] // *Философия психологии*. — Москва: МГУ, 1994. — С. 38–42.
- Леонтьев А.Н. Устная автобиография А.Н. Леонтьева // *Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность*. — Москва: Смысл, 2005. — С. 367–385.
- Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека. — Москва: COGITO centre, 2002. — 525 с.
- Майданский А.Д. Выготский — Спиноза: диалог сквозь столетия // *Вопросы философии*. — 2008. — № 10. — С. 116–127.
- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // *Сочинения*: в 50 т. Т. 2. — Москва: Госполитиздат, 1955. — С. 3–230.
- Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спинозизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. — 2019. — Т. 16, № 4. — С. 654–673. — <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>
- Спиноза Б. Этика. — Санкт-Петербург: Аста-пресс, 1993. — 247 с.
- Сурмава А.В. Ильенков и революция в психологии // *Логос*. — 2009. — № 1. — С. 112–132.
- Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. — Санкт-Петербург: Международный фонд истории науки, 1993. — 301 с.
- Luria A.R. *The Nature of Human Conflicts, or Emotion, Conflict and Will: an Objective Study of Disorganisation and Control of Human Behaviour*. — New York: Liveright, 1932. — VII, 431 p.

References:

Galperin, P. Ya. (2004) 'Vystuplenie na diskussii o problemakh deiatel'nosti [Speech at the discussion on the problems of activity]', in *Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]*. Moscow: Smysl Publ, Akademiia Publ., pp. 324–335 (In Russian).

- Ilyenkov, E. V. (2009) 'Psychology', *Voprosy filosofii*, (6), pp. 92–105. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (1994) 'K kritike teorii L.S. [Vygotskogo]' [Towards a critique of L.S. Vygotsky's theory], in *Filosofia psikhologii [Philosophy of psychology]*. Moscow: Moscow State University Publ., pp. 38–42. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (2003) *Stanovlenie psikhologii deiatel'nosti: Rannie raboty [The formation of the psychology of activity: Early works]*. Moscow: Smysl Publ. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (2005) 'Ustnaia avtobiografiia A.N. Leontieva [Oral autobiography by A.N. Leontiev]', in *Aleksei Nikolaevich Leontiev. Deiatel'nost', soznanie, lichnost' [Aleksi Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality]*. Moscow: Smysl Publ., pp. 367–385. (In Russian).
- Luria, A. R. (1932) *The nature of human conflicts, or emotion, conflict and will*. New York: Liveright. (Russ. ed.: (2002) *Priroda chelovecheskikh konfliktov: Ob'ektivnoe izuchenie dezorganizatsii povedeniia cheloveka*. Moscow: COGITO centre Publ.).
- Maidansky, A. D. (2008) 'Vygotsky — Spinoza: Dialogue through Centuries', *Voprosy filosofii*, (10), pp. 116–127. (In Russian).
- Marx, K. and Engels, F. (1845) *Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer & Consorten*. Frankfurt a.M: Literarische Anstalt. (Russ.ed.: (1955) 'Sviatoe semeistvo', in *Sochineniia: v 50 t. T. 2 [Works in 50 vols. Vol. 2]*. Moscow: Gospolitizda Publ., pp. 3–230).
- Sokolova, E. E. (2019) 'How A.N. Leontiev Revived Spinozism in Marxist Psychology, or On the Implicit Philosophical Basis of the Theory of Activity', *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 16(4), pp. 654–673. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>
- Spinoza, B. (1677) *Ethics: ethica ordine geometrico demonstrata*. [Place of publication not identified]. (Russ.ed.: (1993) *Etika*. Saint-Petersburg: Asta-press.)
- Surmava, A. V. (2009) 'Ilyenkov and the revolution in psychology', *Logos. Philosophical and Literary Journal*, (1), pp. 112–132. (In Russian).
- Vygotsky, L. S. (1982) 'Myshlenie i rech' [Thinking and speech]', in *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 2 [Collected works in 6 vols. vol. 2]*, Moscow: Pedagogika Publ., pp. 5–361. (In Russian).
- Vygotsky, L. S. (1983) 'Istoriia razvitiia vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of the development of higher mental functions]', in *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 3 [Collected works in 6 vols. vol. 3]*. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 5–337. (In Russian).
- Vygotsky, L. S. (1984a) 'Mladencheskii vozrast' [Infancy], in *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4 [Collected works in 6 vols. Vol. 4]*. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 269–317. (In Russian).
- Vygotsky, L. S. (1984b) 'Pedologiiia podrostka [Pedology of the adolescent]', in *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. [Collected works in 6 vols. Vol. 4]*. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 5–242. (In Russian).
- Vygotsky, L. S. (1984c) 'Uchenie ob emotsiakh. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie' [The teaching about emotions. Historical-psychological studies], in *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 6. [Collected works in 6 vols. vol. 6]*. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 91–328. (In Russian).
- Vygotsky, L. S. (2018) *Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo: Izbrannoe [Vygotsky Selected notebooks]*. Moscow: Kanon+ Publ. (In Russian).
- Yaroshevsky, M. G. (1993) *L.S. Vygotsky: v poiskakh novoi psikhologii [Vygotsky: In search of a new psychology]*. Saint-Petersburg: Mezhdunarodnyi fond istorii nauki Publ. (In Russian).

Информация об авторе

Андрей Дмитриевич Майданский — доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета. 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85 (Россия); ассоциированный научный сотрудник Института философии РАН. 109240, г. Москва, Гончарная ул., д.12, стр. 1 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Andrey D. Maidansky — Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Belgorod National Research University, 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015 (Russia); Research Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russia, 109240 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.04.2022; одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 22.05.2022.

The article was submitted 02.04.2022; approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication 22.05.2022.